

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН**

На правах рукописи

Прийма Иван Федорович

**СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ
В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург – 2017

Работа выполнена в Отделе Новой русской литературы ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Научный руководитель:

Скатов Николай Николаевич,
доктор филологических наук, член-
корреспондент РАН, советник РАН

Официальные оппоненты:

Тарасов Борис Николаевич,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБ ОУ ВО "Литературный институт имени
А. М. Горького"

Казин Александр Леонидович,
доктор философских наук, профессор,
ФГБНИУ Российский институт
истории искусств, Санкт-Петербург

Ведущая организация:

ГОУ ВО МО Московский государственный
областной университет

Защита состоится _____ 2017 г. в 14 часов на заседании
Диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте
Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

доктор филологических наук

С. А. Семячко

Несмотря на предпринятые до сих пор исследования, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (далее также – «Дневник») редко анализировался как самостоятельное литературное произведение. Большая часть критиков готова рассматривать его как лабораторию по созданию "Братьев Карамазовых"; как журналистский фельетон, откликающийся на главные события в стране и в мире, но не как цельное произведение, обладающее собственной концепцией и оригинальным жанром. Отмечается, что «Дневник» выходит за чисто дневниковые или мемуарные рамки, продолжает журналистскую стезю Достоевского и является наиболее зрелым, а по мнению некоторых, и наиболее спорным проявлением его публицистического таланта.

Практически не исследован *славянский аспект «Дневника»*, неоднократно провозглашаемая в произведении «славянская идея», сюжеты славянской борьбы за свободу и русской помощи в этой борьбе, как и глобальные выводы, к которым приходит писатель на материале балканских событий конца 1870-х гг. Доныне не решен вопрос, является ли создание православно-славянской концепции лишь прагматическим поступком (Л. П. Гроссман), плодом *расщепления сознания Достоевского* (А. В. Луначарский), следствием *исторической иллюзорности и утопии* (И. Л. Волгин), – или же она явилась *одним из факторов, освободивших Балканы* (М. Бабович), результатом крупнейшего творческого подъема Достоевского (Н. Н. Страхов), и должна учитываться при анализе всего его литературного наследия.

Актуальность исследования обусловлена неснижающимся глобальным интересом, вызываемым творчеством Достоевского, высокой значимостью проблематики «Дневника писателя» и славянского вопроса в современном мире, малоизученностью «Дневника» на фоне остального корпуса произведений и поляризацией оценок критики.

Объектом исследования является «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского.

Предметом исследования служат главы и отрывки «Дневника», посвященные славянам и славянству, специфика их положения в оригинальном жанре произведения.

Основной целью исследования является выявление роли славянской темы в «Дневнике», художественных средств ее подачи и соотнесение славянской идеологии «Дневника» с почвеннической, славянофильской и западнической концепциями.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) проанализировать наиболее значимые исследования по русско-славянской проблематике «Дневника», предложить их систематизацию;
- 2) исследовать проблему полярности мнений критики о «Дневнике»;
- 3) выявить обращения автора «Дневника» к славянской теме, предложить их классификацию;
- 4) прояснить особенности идеологии «Дневника» в сравнении с «почвенническим» периодом;
- 5) проанализировать художественные средства, используемые в «Дневнике» для презентации славянской концепции;

- б) выявить генезис взглядов Достоевского на славянство, определить наиболее существенные влияния, способствовавшие формированию его концепции; проверить обоснованность выводов исследователей, обращавшихся к этой теме;
- 7) установить наиболее значимые случаи воздействия, оказанного «Дневником писателя» на современную и позднейшую литературно-критическую мысль;
- 8) оценить степень исторической реализации славянской концепции Достоевского.

В диссертации выдвигается **гипотеза** о том, что основной связующей идеей «Дневника писателя» является славянская идея, сформулированная и развитая Достоевским в этом произведении.

Материалом для исследования служит «Дневник писателя» 1876–1881 гг., совокупность славянских фрагментов всего творческого наследия Ф. М. Достоевского, а также труды А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, И. В. Киреевского, И. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Вл. С. Соловьева, В. В. Розанова, Д. С. Мережковского, ряда других авторов.

В работе использованы различные **методы** исследования: структурно-описательный; биографический, культурно-исторический, историко-генетический.

Положения, выносимые на защиту

- 1) «Дневник писателя» 1876–1881 гг. – произведение, обладающее основной объединяющей темой: эта тема – борьба православных славян за свободу и историческая роль России в этой борьбе.
- 2) *Русская почвенная идея* Достоевского трансформируется в «Дневнике» в *мировую славянскую идею*, провозглашающую особую роль славянства в мировом историческом процессе.
- 3) Достоевский использует в «Дневнике» комплексную аргументацию, воплощая славянскую идею публицистически, философски и художественно. В философском аспекте создается теория мировых идей; в художественном – самостоятельная проза «Дневника» увязывается с его стержневой проблематикой; также используется параллельное беллетристическое повествование с попыткой создания главных героев и сквозного сюжета.
- 4) Идейними предшественниками основной проблематики «Дневника» являются славянофилы, прежде всего А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, И. С. Аксаков; тезис о влиянии Вл. С. Соловьева на Достоевского не подтверждается фактами.
- 5) Славянская концепция «Дневника» провоцирует поляризацию оценок произведения среди исследователей; превалирование негативной оценки обусловило малоизученность «Дневника».
- 6) Идеология Достоевского развивается научной и художественной мыслью у южных славян. В качестве агитационного средства, формирующего мнение политиков и масс, она участвует в политических событиях XIX-XX вв.

Научная новизна диссертации состоит в том, что «Дневник писателя» впервые проанализирован в полном объеме в аспекте славянской и околославянской тематики – с предложением систематизации его жанров, периодизации критической литературы о нем и хронологии становления взглядов автора на проблему славянства. Провозглашаемая Достоевским идея славянского единства исследована в аспекте ее публицистического и художественного воплощения, а также в качестве философской концепции, повлиявшей на глобальные геополитические процессы.

Теоретическая значимость исследования заключается в предложенной методике рассмотрения «Дневника» с точки зрения иерархии его тем и сквозного присутствия конкретной темы в рамках различных жанров, что облегчает анализ произведений комбинированного жанра и разнородной тематики.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в комментариях, лекционных курсах и учебных пособиях по русской литературе – в аспекте уточнения роли «Дневника писателя» в творчестве Достоевского; при анализе идеологии позднего Достоевского; при изучении взаимоотношений и взаимовлияний русских писателей второй половины XIX в.; при исследовании симбиоза и «противоречий» прозы и публицистики Достоевского. Проведенная систематизация историко-социологической концепции писателя может быть использована для изучения его влияния на теории цивилизаций и цивилизационных типов, как и в актуальном ныне вопросе формулирования национальной идеи.

Апробация: результаты исследования докладывались и обсуждались на трех международных научных конференциях: «Цивилизационный процесс и взаимодействие национальных культур в Европе: роль славянства» (СПб., 2006 г.); XXXV Международная филологическая конференция СПбГУ (СПб., 2006 г.); Международная научная конференция «Сербистика сегодня: проблемы и перспективы современного восприятия сербского языка, литературы и культуры» (Босния и Герцеговина, г. Баня Лука, 2016). Основные тезисы нашли отражение в восьми публикациях.

Структура диссертации: исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 235 наименования; из них 203 – на русском, 23 – на сербо-хорватском, 8 – на английском и 1 – на словенском языке.

Основное содержание работы

Во **Введении** характеризуется степень изученности проблемы, высвечивается актуальность темы и научная новизна диссертационного сочинения, определяются его объект, предмет, цели, задачи и методы; высказывается гипотеза исследования, приводятся выносимые на защиту положения. Здесь же дается краткая характеристика материала исследования,

обосновывается его теоретическая значимость, области возможного применения его результатов. Кроме того, указываются объем и структура диссертации.

В первой главе – **«Проблемы осмысления "Дневника писателя" с момента его появления»** анализируется литература, касающаяся основной проблематики произведения. Устанавливается, что, помимо периодизации, позволяющей говорить о четырех условных периодах в осмыслении «Дневника», критические отзывы можно систематизировать с точки зрения идейной ангажированности их авторов.

В разделе **1.1. «1876–1910-е: Западники и славянофилы, церковные критики, богоискатели»** описывается первый такой период (1870–1910 гг.), когда идеи произведения активно обсуждаются российскими критиками разных направлений. Так, негативную оценку новой тематике Достоевского дает М. Е. Салтыков-Щедрин, начиная тем самым очередной этап многолетней полускрытой полемики, отслеженной З. С. Борщевским. С 1876 г. в своих антивоенных очерках Щедрин оспаривает высокую оценку русского добровольческого движения в пользу славян, тезисы о справедливости войны и ее популярности в народе, призывы к сбору помощи славянам и приписывает славянский «порыв» в русском обществе возбудимости людей «культурного слоя». Щедрин ставит под сомнение тезисы Достоевского о «новом слове», которое русский народ, встав во главе славянства, должен сказать человечеству. Вслед за Щедриным негативную позицию в отношении Достоевского занимают и другие авторы «Отечественных записок». Неприязнь демократического крыла вызывает речь писателя на Пушкинских торжествах: Г. И. Успенский, сперва высоко оценивший ее и свидетельствовавший о «сербском» облике праздника, под давлением Щедрина меняет оценку на негативную; критическую позицию к «Дневнику» занимает и Н. К. Михайловский, чья статья «Жестокий талант» становится образцом западной оценки Достоевского.

В 1880 г. на публицистику «Дневника» отзывается К. Н. Леонтьев. Если демократическому крылу, а вслед за ним и Вл. С. Соловьеву и В. В. Розанову чужда «узко-православность» мировоззрения Достоевского, то Леонтьев, на первый взгляд, критикует писателя с противоположной стороны, объявляя воззрения Достоевского слишком всемирными и космополитическими. Леонтьева не устраивает возможность восприятия мысли о мировом назначении славян широкими слоями общества. Вместо проповедуемой Достоевским борьбы за свободу, он предлагает славянам общенациональное смирение и пессимизм на научно-религиозной основе. В то же время критик не приемлет проповедуемое Достоевским *смирение перед народом*, его антикатолицизм: Леонтьев критикует русских «простолюдинов», высказывает пиетет к «великой и апостольской» Римской церкви. Филокатолицизм, а также туркофильство Леонтьева, обличение им «юго-славян» мешают ему объективно истолковать славянско-православный вектор Достоевского.

С другой стороны, И. С. Аксаков в статье 1881 г. говорит о высочайшем общественном значении личности Достоевского, всенародной любви к нему и обращает внимание на выдвинутую писателем идею о *«всесветном единении во имя Христово»*. В отличие от Леонтьева, идеолог славянофильства считает эту идею подлинно православной, определяя ее как «высшую единительную "Церковную" идею». Таким образом, он принимает предложенный Достоевским вариант развития славянофильской доктрины. Критик указывает на единство публицистического и беллетристического наследия Достоевского, обусловленное глубокой религиозностью и народностью его творчества¹.

Высокую оценку «Дневнику» дает в 1883 г. и Н. Н. Страхов, который прослеживает отношение Достоевского к славянофильству и отмечает, что писатель примыкал к одной из его ветвей уже в почвеннический период, пока, наконец, не примкнул к славянофилам окончательно. О. Ф. Миллер характеризует автора «Дневника» как истолкователя «великой освободительной войны» 1877–1878 гг. В последние годы, считает Миллер, у писателя сложилась крепкая славянская программа: «Славянские сочувствия не могли не выдвинуться у него прямо на первый план, ибо к ним неизбежно приводили его душевные основы его направления»².

Анализ «Дневника» был предпринят и русскими церковными мыслителями. Митрополит Антоний (Храповицкий) в 1888 г. давал автору «Дневника» самые высокие характеристики, отождествляя его со славянофилами и соглашаясь с мыслью о всечеловеческом назначении России. Протоиерей Ф. Орнатский, один из первых священномучеников XX в., в 1896 г., анализируя фигуры Ф. М. Достоевского и С. Аксакова, заключал, что они единомысленны в основных воззрениях на Православие, на задачи России «в славянстве». Предметом душевных забот позднего Достоевского Орнатский считал *православное дело* русского народа в Европе, сбережение от неверных вселенского Православия и укрепление православной государственности южных славян. Славянский вектор у Достоевского подчеркивал и приват-доцент Московской Духовной академии протоиерей И. К. Яхонтов, вспоминая деятельность писателя в Совете Славянского Благотворительного Общества.

В то же время положительность оценок, которые давал Достоевскому в 1880-е гг. Вл. С. Соловьев, требует пояснений. Сблизившийся с писателем в последний период его жизни и заявивший себя его единомышленником, Соловьев после смерти Достоевского резко меняет позицию. Проповедуя уже не славянофильство, а радикальное западничество, философ бросает тень и на славянскую идею Достоевского. «Славянский вопрос» у позднего Соловьева – не

¹ Аксаков И. С. По поводу смерти Достоевского // Аксаков И.С. ПСС в 7 т. М.: Тип. М.Г.Волчанинова, 1886. Т.2. С.488–490.

² Миллер О. Ф. <Речь на поминках Ф.М.Достоевского> // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М.Достоевского. СПб.: Тип-я А.С.Суворина, 1883. 2-я пагин. С.70–77.

православный, а католический; Россия представлена не освободительницей, а угнетательницей славян. Противоречивое отношение к поздней публицистике Достоевского наблюдается и у В. В. Розанова. Дав в 1894 г. максимально благоприятную аттестацию «Дневнику», оперируя его тезисами по поводу мировой роли славянства как расы, примиряющей противоположности, и православия как истинно евангельской религии, Розанов спустя семь лет, сближаясь с Соловьевым, меняет взгляды и, признав за вершину церкви католичество и папство, подвергает резкой критике «лепет Достоевского о каком-то <...> "чистом православии"», как и его апелляции к «старому и "славному" славянству»³.

Не принял идеологию «Дневника» и Д. С. Мережковский, назвавший ее «бредом патриотического изуверства». Критик уподобляет Достоевского Ницше, считает его славянофильство лукавым, подвергает сомнению веру писателя в Бога. Ошибка Достоевского видится ему в том, что писатель принимает свое новое христианство за старое историческое православие. Война за славян, к которой призывает Достоевский, по мнению Мережковского, – нонсенс и преступление, сдирание кожи с еретического человечества, осуществляемое православным «всечеловечеством».

Оценки публицистики Достоевского, таким образом, резко расходятся – прежде всего по линии противостояния западничества/славянофильства и католицизма/православия.

В разделе **1.2. «1910–1950-е: Религиозно-философская (эмигрантская) и марксистская критика»** анализируется послереволюционное осмысление «Дневника», протекающее в основном в западническом русле. Так, М. Горький, уже в 1905 г. выступивший против Достоевского в большевистской прессе, остается верен своим взглядам до конца жизни: Достоевский характеризуется им как писатель-мещанин, злой гений. Горький обвиняет его, как и Л. Н. Толстого, в проповеди терпения и примирения. А. В. Луначарский продолжает линию Горького, приписывая Достоевскому мещанство и толстовство. Православная идея «Дневника», считает Луначарский, зародилась под влиянием эпилептического характера социальных переживаний писателя, старавшегося заменить церковным социализмом ту социалистическую правду, которую он когда-то отверг. Главной мыслью, которой марксистский критик связывает свои суждения о писателе, становится «многоголосность» Достоевского. В этом тезисе Луначарский опирается на М. М. Бахтина, чью мысль о полифонии-многоголосности писателя высоко оценивает⁴. Бахтин, в свою очередь, доволен тем, что Луначарский позаимствовал его идею. Сам он в основном игнорирует «Дневник» за *монологическое мышление*.

³ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М.: Республика, 1996. С. 108-110; 131-132.

⁴ Луначарский А. В. О «многоголосности» Достоевского// Ф.М.Достоевский в русской критике. Сб. статей. М.: ГИХЛ, 1956. С. 422.

В 1920–1930-е гг. о Достоевском активно пишет Л. П. Гроссман, идущий по стопам «Жестокого таланта» Михайловского в высвечивании «жестокого» колорита творчества писателя. Формирование прославянских, антитурецких и антизападных взглядов Достоевского имело, по мнению критика, практическую цель – заявить о своих новых, проправительственных убеждениях, получить официальную реабилитацию.

Параллельно анализу марксистской критики, в России в 1920-е гг. еще не пресекается критическая традиция, положительно воспринимающая мировоззренческие установки Достоевского, в русле которой пишут П. А. Сорокин, Л. П. Карсавин, А. П. Скафтымов.

Подробный анализ «Дневника» предпринимает в 1923 г. Н. А. Бердяев. Он проводит тезис о двойственности Достоевского: его крайней сострадательности и крайней жестокости. Достоевский-публицист, считает он, был «шовинистом». Отмежевывая позднего Достоевского от славянофилов и славянской проблематики, Бердяев выводит заключение, будто положительные пророчества Достоевского, в частности о русской мессианской идее, не оправдались, в подтверждение чего указывает на окончательную революционную атеизацию русского народа. При этом за рамками анализа остаются сбывшиеся славянские пророчества «Дневника». Негативную оценку русско-славянского мессианизма Достоевского дают также К. В. Мочульский и Ф. А. Степун.

Нестереотипные взгляды среди эмигрантов высказывает в 1944 г. Н. О. Лосский. Христианство Достоевского признается выстраданным и «светлым». Православие для Достоевского – основная благодетельная сила: в международной жизни оно, посредством славянства, призвано сказать «окончательное слово», неся веру в братство людей и общее примирение народов. Справедливо отмечается, что в эпоху освобождения славян писатель всей душой был с простым народом, понимавшим эту войну как защиту единоверцев. Лосский преодолевает взгляд на революцию как на конец русской истории и опровержение пророчеств Достоевского.

Раздел **1.3. «1950–1990-е гг.: советская партийная и независимая критика»** посвящен послевоенным работам отечественных и зарубежных исследователей. В монографии 1950 г. немецкий ученый Райнхард Лаут реконструирует философию Достоевского, выделяя в качестве основных компонентов вопросы о народе и «о влиянии идей в истории». В славянском вопросе русский народ, считает Лаут, руководствовался собственным представлением о «несчастных братьях по вере, поработанных турками на Балканах». По мнению Лаута, «нет никакого противоречия, когда за русским народом признается более высокое значение и ценность, ибо путь всеединения человеческого ведет через национальную идею русского народа»⁵.

⁵ Лаут, Райнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., Республика, 1996. С. 370–386.

Выходящую в тот же период в России книгу В. Б. Шкловского «За и против – заметки о Достоевском» отличает попытка приписать Достоевскому атеистические и социалистические взгляды. Схожую трактовку предлагает в 1963 г. и Ю. Ф. Карякин. Вслед за Луначарским, Долининым и Шкловским, Карякин борется с «*монополией* на Достоевского», якобы объявленной врагами коммунизма, и заявляет о близости писателя к учению Маркса, о его атеизме, хотя параллельно и обвиняет Достоевского в апологетике самодержавия. По пути революционизации Достоевского идут и такие крупные ученые, как Г. М. Фридлендер, который социализирует подход писателя к славянской проблеме: если у славянофилов классовые различия внутри славянского мира отступали на задний план, то для Достоевского, считает исследователь, проблема буржуазной цивилизации и русского народа перерастала в проблему верхов и низов, привилегированного меньшинства и демократического трудящегося большинства.

Одними из наиболее объективных исследований по сей день остаются труды Д. В. Гришина, профессора русского языка и литературы Мельбурнского университета. В монографии 1966 г. тема «Достоевский и славянство» выделяется им в особую главу. «Сверхнационализм» Достоевского, отмечает Гришин не лишен логики: ведь в русских «выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиряемости, всечеловечности». Первым шагом на пути братского единения должна была стать помощь в освобождении славян; сами же славяне в борьбе за независимость, подобно русским, хотели свободы не только для себя, но для всего человечества⁶.

Большое количество работ посвящает «Дневнику» И. Л. Волгин. В 1971 г. он справедливо выделяет Восточный вопрос как идейно-композиционный стержень «Дневника», и констатирует, что Достоевский видел в нем возможность реализации исторического назначения славянства. Однако далее Волгин заявляет о «глубочайшем заблуждении великого писателя», считавшего, что освободить славян может «деспотическая монархия» и «придаток этой монархии – закосневшая, казенная, лишенная какой бы то ни было духовной самостоятельности государственная церковь». Критик адресует упреки нравственности Достоевского за призывы к войне и заявляет о «противоречиях писателя, которые «коренятся *внутри всего его творчества*»⁷. Тот же подход, базирующийся на тезисах Мережковского и Луначарского, характерен и для остальных работ Волгина. Славянская концепция «Дневника» в понимании Волгина абстрактна и фантастична: это надысторическая утопия. Исследователь продвигает

⁶ Гришин Д. В. «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского. Мельбурн: Отделение русского яз. и лит-ры Мельбурнского ун-та, 1966. С. 235-243.

⁷ Волгин И. Л. Нравственные основы публицистики Достоевского (Восточный вопрос в «Дневнике писателя»)// Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. Т.XXX. Вып.4. М., 1971. С.315–322.

тезис о хорошем писателе и плохом мыслителе, против которого возражал в 1966 г. В. А. Туниманов. Опираясь на Волгина, об православном «утопизме» как центральной теме «Дневника» начинает писать исследователь из США Г. С. Морсон. В то же время У. Гуральник в 1971 г. резко выступает против тенденциозной достоевистики, проводящей тезис о двойничестве писателя. Подлинный Достоевский, указывает критик, восставал против навязывания миру воли «избранных», против инквизиторских теорий порабощения народов.

Ю. Г. Кудрявцев (1979) подчеркивает мирный характер православной идеи Достоевского, – чтобы далее, перейдя к военным сюжетам, заявить, что Достоевский вошел в противоречие со своими принципами и проповедовал захватнические взгляды. В том же ключе В. Н. Белопольский в 1987 г. ставит под сомнение православность и христианство Достоевского-публициста.

Раздел 1.4. «С 1990-х до наших дней. Постсоветская критика» содержит анализ тенденций, возобладавших в отечественной достоевистике на фоне постсоветской дедогматизации науки. Целый ряд критиков продолжает анализ идеологии «Дневника», нередко с опорой на таких советских критиков как В. Н. Белопольский или И. Л. Волгин. В частности, В. Г. Безносков в 1993 г. дистанцирует Достоевского от православной церкви и в целом от христианства. Тезисы Бахтина-Луначарского-Волгина о раздвоенности Достоевского получают развитие у П. Е. Фокина, пишущего о двух авторах: «как бы и Достоевском, и не Достоевском», о болезненной «приговоренности» автора «Дневника»⁸. К числу абсурдных трактовок «Дневника» можно отнести изыскания В. В. Борисовой, которая пытается приписать авторские критерии человеколюбия, проявившиеся при создании сцен мучений славян и русских воинов мусульманами, – влиянию Корана.

В отличие от подобного рода исследователей, М. М. Дунаев предлагает объективный подход к Достоевскому как к православному писателю, использующему для проповеди христианских ценностей новый жанр «Дневника», чтобы в концентрированном виде высказать идеи, ставшие «стержневой основой» его творчества. Славянское преломление идеи воцерковления всего человеческого бытия не случайно: с учетом единительной сущности Православия, «всечеловечество <...> должно начаться со все-православного единства»⁹. Правомерные выводы о «Дневнике» содержат и исследования Е. И. Анненковой. Она указывает на идейное ядро произведения, в частности, на славянскую идею, которая выдвигается как истинная и спасительная в контексте католической и протестантской идей. Подобно Дунаеву, Анненкова считает «Дневник» уточнением и дополнением к художественному слову.

⁸ Фокин П. Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. Ф.М.Достоевского. Автореферат... канд. филол. наук. СПб., 1995. С.5-9; 16-24.

⁹ Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч.3. М.: Христианская лит-ра, 1997. С. 517; 530–534.

По мнению Т. И. Буниной, русская идея Достоевского оформилась в особую концепцию, отличную и от славянофильства, и от западничества, и не переходила границ России. Схоже с ней, Н. В. Куликовская, не указывая на преобразования, которые претерпела у Достоевского русская идея, на определенном этапе исследования заменяет ее славянской, вероятно, целиком отождествляя их. В. С. Сизов, также исследующий русскую идею, соглашается с И. Л. Волгиным в том, что мирозерцание Достоевского в равной степени противостоит западничеству и славянофильству, – и одновременно заявляет о пропаганде Достоевским войны на национальной почве, о нецелесообразности движения в пользу славян.

М. М. Сеитов справедливо свидетельствует, что хотя Достоевского порой относят к предшественникам евразийства, он остается мыслителем славянофильского направления, тогда как идея тесного славянского единения осталась евразийцам чужда. На схожесть взглядов Достоевского и славянофилов правомерно указывает Д. А. Кунильский, находя возросшую склонность писателя к славянофильскому образу мыслей в «Дневнике» 1881 г.

При правомерном утверждении М. Кустовской о том, что Россия воспринималась Достоевским как носительница *православной идеи* и правопреемница Константинополя, Г. С. Прохоров параллельно ей подчеркивает «давно подмеченную двойственность» «Дневника» и случайность появления в нем славянской темы, которая, по его мнению, целиком обусловлена жанровой и структурной необходимостью заполнять издание «сююминутными событиями»¹⁰.

В выводах к первой главе делается заключение, что славянский компонент «Дневника» изучен недостаточно прежде всего потому, что среди его исследователей, от самых первых до современных, преобладают критики западнического направления. Автор «Дневника» воспринимается ими как идейный противник, в связи с чем славянский вопрос, трактуемый в произведении со славянофильских позиций, исключается из рассмотрения или получает заведомо отрицательную оценку. На новом этапе необходимо всемерное развитие начатого еще в XIX в. положительного анализа произведения.

Во второй главе – «**Способы воплощения славянской идеи в "Дневнике писателя"**» проводится исследование идеологии и поэтики «Дневника» с целью установить, когда и в каком свойстве появляется в нем славянская идея, как она формулируется и какими средствами доносится до читателя. Выделяется три основных жанровых составляющих произведения – публицистическая, философская и художественная; выдвигается тезис о том, что славянская тема присутствует в рамках всех трех составляющих.

В разделе **2.1. «Публицистическая составляющая»** отмечается, что «Дневник» начат как произведение публицистическое, и этот компонент остается в нем главным до конца. Полностью

¹⁰ Прохоров Г. С. «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского. Вопросы композиции. Коломна: Моск. гос. област. соц-гуманит. ин-т, 2013. С. 9, 53.

самостоятельным «Дневник» становится с 1876 г., в качестве отдельного издания, однако журналистская оригинальность связана не столько с новой формой, сколько с формированием идейно-тематического стержня произведения. Катализатором развития «мессианской» русско-славянской тематики выступает Большой восточный кризис 1875–1878 гг. Основной темой «Дневника» к концу 1876 г. становится борьба славян за свободу и роль России в этой борьбе, что отмечает в итоговом выпуске 1876 г. и сам автор.

Уже февральский выпуск 1876 г. содержит упоминание «дерущихся за свою свободу славян» и сборника «Братская помощь», выпущенного в их поддержку. Самый первый выпуск самостоятельного «Дневника» упоминаний о войне не содержит, однако черновики свидетельствуют, что военная тема готовилась в этот номер, но план не успел реализоваться. Он, тем не менее, осуществляется в апрельском выпуске. В итоге тема лидирует по количеству страниц и частоте обращений; многие главы полностью посвящены славянской проблематике. Среди публицистических клише Достоевского особое внимание привлекают тезисы о славянской идее. Так, в июньском выпуске 1876 г. писатель выражает уверенность, что Россия защитит славян, чтобы не изменить «великой идее, завещанной ей рядом веков». Идея эта – «всеединение славян; но всеединение это – не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству». Здесь хорошо прочитывается трансформация, которой подверглась *русская идея* писателя. Хотя исповедником ее по-прежнему остается русский народ, идея перестает быть только *русской*, поскольку в сферу ее, посредством *единения* с русскими, вовлекаются славяне. Далее писатель размышляет о преобразовании русской идеи в славянскую, уже имевшем место в истории. Он обращает внимание на расширение Петром I «*прежней же нашей идеи, русской московской идеи <...> этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России*». Цель такого расширения – «воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия»¹¹. Таким образом, славянской идее приписывается глубокий историзм.

В июль-августовском номере 1876 г. Достоевский высвечивает еще ряд ее свойств: «"Славянская идея в высшем смысле ее" <...> есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого, с тем, что, уравнив его с собою в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире». В декабрьском выпуске того же года очевидно акцентирование *православной сущности* идеи при

¹¹ Достоевский, 23:45–50. Эта и последующие цитаты из Ф. М. Достоевского приводятся по изданию: *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990*. После фамилии через запятую приводится номер тома; затем через двоеточие номер страницы.

одновременной минимизации узко-националистического фактора: дело «не в одном славизме» как «единении всех славян с народом русским и между собою», – дело прежде всего в разрешении «судеб восточного христианства, то есть православия»: русский народ устремился на помощь славянам, прослышав, «что страдают православные христиане, братья наши, за веру Христову от турок, от "безбожных агарян"». В свою очередь, и славяне, благодаря своей религии, наиболее предназначены к восприятию идеи православного единства¹².

В еще одной формулировке (январь 1877 г.) Достоевский сознательно отдает первенство в разработке славянской идеи славянофилам: по его словам, именно они «в ясных и точных выводах» провозгласили, что «Россия, вкупе со славянством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общечеловеческого единения, и уже не в духе личного эгоизма», а наоборот, – «в духе истинной широкой любви, без лжи и материализма и на основании личного великодушного примера, который предназначено дать собою русскому народу во главе свободного всеславянского единения Европе»¹³. В августовском выпуске 1880 г. автор подчеркивает такую характеристику идеи как ее глубокая *народность*. Российские либералы «смеются <...> над этой идеей: "У этих, дескать, смердов собирательная идея, у них гражданское чувство"». Но именно простой народ, руководствуясь собственной идеей, поспешил на помощь братьям: «еще недавно, засмердев в грехе, в пьянстве и в бесправии, он обрадовался духовно, весь в своей целокупности, последней войне за Христову веру, попанную у славян мусульманами. Он принял ее, он схватился за нее как за жертву очищения своего за грех и бесправие, он посылал сыновей своих умирать за святое дело»¹⁴.

Важность славянской идеи, согласно Достоевскому, столь высока, что существование России в случае отказа от нее ставится под сомнение (сент. 1877 г.): «Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства <...> – значит, все равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Это было бы даже и не революцией, а просто уничтожением»¹⁵.

Подобная идейная канва является скрепляющей в общем контексте публицистического повествования, которое в целом, ради привлечения читательского внимания, создается как намеренно острое, разноплановое и увлекательное, что заметно и в плане выражения, где в качестве метода используется *широкая полемика*. Автор непрерывно полемизирует по славянскому вопросу с целым рядом оппонентов: российскими и славянскими западниками,

¹² Достоевский, 23:103; 24:61–63.

¹³ Достоевский, 25:20.

¹⁴ Достоевский, 26:153.

¹⁵ Достоевский, 26:30.

Европой и европейцами, русскими эмигрантами и туркофилами, польской эмиграцией, целым рядом конкретных и абстрактных журналистов и т.д. Для поддержания полемического фона используются такие средства, как введение в повествование абстрактных и вымышленных оппонентов, гипербола, антитеза, ирония, гротеск.

В разделе **2.2. «Философская составляющая: теория мировых идей»** высказывается гипотеза о том, что в «Дневнике», с целью утверждения православно-славянской идеологии, писатель прибегает к аргументам метафизического порядка. Достоевский формулирует особую социо-философскую теорию, на которую в дальнейшем опирается и реконструкция которой необходима для понимания кредо автора «Дневника». Выход повествования на новый уровень подтверждает первый выпуск 1877 г. (глава – «Три идеи»), где для истолкования славянских событий предлагается обширное рассуждение о мировых идеях: католической (римской), протестантской (германской) и православной (славянской), существующих в постоянных коллизиях и борьбе. Мировые идеи нельзя рассматривать лишь отвлеченно: важна «участь наций, сложившихся под <...> идеей». В свою очередь, характер нации оказывает обратное влияние на идею, придавая ей дополнительные самобытные свойства. Наиболее древняя из трех идей римская, получившая в новейшей истории католические черты; в качестве оппозиции ей возник германский протестантизм; ныне же «восток Европы... всецело проникнут своей собственной, вдруг восставшей, идеей»: это «третья мировая идея – идея славянская», которая, возможно, явится «третьей грядущей возможностью разрешения судеб человеческих и Европы». Достоевский уверен, что с освобождением и «единением славян», которое несет с собой новая идея, «вдвинется в человечество новый элемент, новая стихия»¹⁶.

Славянская идея анализируется в данном случае на новом уровне, в глобальном контексте. Проводится мысль о том, что антагонизм славянства и Европы не стихийен, а идеен и потому чрезвычайно глубок; степень политической зрелости России рассматривается в зависимости от степени осознания русским народом собственной идеи и роли в истории. Речь при этом идет не о *русской почвенной идее*, а о *славянской* как ее расширенном варианте: именно в качестве «идеи славянской» она ставится в контекст прочих мировых идей. Основная коллизия в этой сфере, по мысли Достоевского, возникает не между протестантской и католической идеями, чей антагонизм хотя и постоянен, но не глубок, а между идеями католической и православной. Римокатолическая идея стремится объединить мир посредством насильного политического господства (вслед за ней к такому господству стремится и германский протестантизм); православная же идея, в силу своего ненасильственного и жертвенного характера, предлагает духовный вид господства, по принципу «мать, а не госпожа»¹⁷. Конфликт с Европой, таким

¹⁶ Достоевский, 25:8–9.

¹⁷ Достоевский, 23:101–102.

образом, предстает не просто как противостояние России и Европы, но как антагонизм славянско-православного и романо-германского миров, сложившихся под воздействием различных религиозных идей. Диагностированием католической идеи как антагониста идеи славянско-православной можно объяснить высокий антикатолический заряд не только «Дневника писателя», но и «Братьев Карамазовых».

В разделе **2.3. «Художественная составляющая»** рассматривается вопрос беллетризации повествования в «Дневнике» и анализируются методы, примененные для этого автором. Наиболее заметная часть художественной составляющей произведения – его «самостоятельная» малая проза: повести и рассказы, на первый взгляд не имеющие связи с русско-славянской тематикой «Дневника». Ключом к пониманию их сверхзадачи может служить глава «Мужик Марей» (февраль 1876), играющая роль *иллюстрации* к тезисам предшествующей публицистической главы «О любви к народу. Необходимый контракт с народом». Начало «Мужика Марей» свидетельствует о сознательности авторского метода: «Но все эти professions de foi, я думаю, очень скучно читать, а потому расскажу один анекдот <...>»¹⁸. Функции малой прозы связаны с проблемой аргументации в «Дневнике», публицистическая и философская составляющие которого несут большое число логических тезисов, самостоятельно себя не доказывающих. В качестве доводов иного, внелогического порядка, автор избирает художественные аргументы, используемые в качестве *притчи* к ясно высказанному логическому тезису. Еще одной такой «притчей» выступает рассказ «Столетняя», которым писатель подтверждает свой тезис о присутствии в русском народе «сильных и святых» идеалов.

При выявленности переключки прозы «Дневника» с его публицистикой, на которую указывал еще А. С. Долинин, «подтекст» целого ряда художественных произведений до конца не выяснен. Так, по поводу «Сна смешного человека» и «Кроткой» господствующим мнением является базирование их тематики на популярной в «Дневнике» проблеме самоубийств (В. А. Туниманов, М. М. Дунаев, Р. Кидэра). Такое объяснение представляется недостаточным, поскольку самоубийство в обоих случаях – не предмет специального анализа автора, а лишь завязка («Сон смешного человека») или завязка-развязка («Кроткая») коллизии. Главная проблематика повестей не в этом. Для понимания «Сна...» необходимо обратить внимание на спор, который с самого начала издания Достоевский ведет с оппонентами, отстаивающими тезис о *пассивной жизни* русского народа, отсутствии у него *идеала деятельной личности*, непонимании им собственной веры – православия. В том же духе оппоненты высказывают сомнения и в готовности России освободить славян. Достоевский отвечает, что «народ верит, что он готов на новый, обновляющий и великий шаг. Это сам народ поднялся на войну, с царем во

¹⁸ Достоевский, 22:46.

главе». По мнению писателя, «истина покупается лишь мученичеством», и лишь единицы из кричащих о нашей неготовности к войне готовы «приблизиться сколько-нибудь к истине». Исчерпав рациональные доводы, автор прибегает к художественному аргументу: герой «Сна смешного человека» сообщает, что он «узнал истину». Рассказ отвечает на вопрос, может ли обладать знанием истины забитый жизнью человек, стоящий в самом низу социальной лестницы. Ответ однозначен: может и, более того, должен, не стесняясь своего положения, проповедовать эту истину другим, ибо они, сколь бы ни были сильны и многочисленны, истины не знают: «я видел истину <...> и *живой образ ее* наполнил душу мою навеки»¹⁹. Это сознание возвращает «смешного человека» к жизни (отвращает от самоубийства) и направляет на добрые дела (спасение девочки-сиротки, проповедь). При этом публицистический спор о возможности постижения истины «нищим» русским народом писатель продолжает и далее, в частности, в Пушкинской речи (августовский вып. 1880 г.). Герой «Сна смешного человека» увидел на другой планете реальность «братского единения» людей. Именно *братское единение* стремится установить на Земле русский народ, бескорыстно выступивший на защиту славянских братьев. Он тоже, по мнению Достоевского, *знает истину* (подлинный, сохраняемый в Православии образ Христа). Готовность к богопознанию и миропознанию вне зависимости от материального и сословного положения, реальность устроения на земле *братства* и действенные пути к его достижению – таковы основные идеи рассказа, напрямую перекликающиеся со славянской темой.

В «Кроткой» ростовщик, бывший офицер, потерявший воинскую честь, но сохранивший дисциплину и принципиальность, целиком направляемые на выжимание денег, благодетельствовал (как он считает) шестнадцатилетнюю девушку, оставшуюся без «папаши и мамы», без средств к существованию. Не успев выйти в люди, она оказывается во власти мужа и, не имея сил пробудить в нем человеческие чувства, впадает в пароксизмы, «бунтует» (бегство от мужа, попытка застрелить его по возвращении, наконец, самоубийство). Понять, какие явления макро-мира иллюстрировались этими характерами, вновь помогает анализ публицистического обрамления повести. «Дневник» регулярно высвечивает торгашеские свойства Европы, которой свойственны «торгашество, личные выгоды»; где высочайшую роль играют «миллион и капитал»; где «купцы и фабриканты, болезненно мнительные и болезненно жадные к своим интересам», у которых «тревога, паника, тоска за барыш»²⁰. «Кроткая» на микроуровне воссоздает образ европейского торгаша. Муж Кроткой – выжиматель денег, в самой сакральной области души уже неспособный отказаться от их диктата. Герой не лишен благородных чувств, но они подавляются ростовщицеством. В Европе раньше существовал

¹⁹ Достоевский, 25:118.

²⁰ Достоевский, 23:50; 23:62–65; 157.

«довольно стройный кодекс правил доблести и чести», – рассуждает Достоевский, – «В Европе был феодализм и были рыцари. Но в тысячу с лишним лет усилилась буржуазия и наконец задала повсеместно битву, разбила и согнала рыцарей и – стала сама на их место»²¹. История Европы микрокосмически повторяется в судьбе ростовщика из «Кроткой», тоже прошедшего путь от офицерства (рыцарства), через потерю «правил чести» (отказ от дуэли, отставка), к буржуазному выжиманию барыша.

Пониманию образа самой Кроткой в историко-политическом контексте «Дневника» помогает еще один полудокументальный «рассказец»: «Доморощенные великаны и приниженный сын "кучи"» (февраль 1877 г.). В нем выведен образ сербского солдата-новобранца, ставшего членовредителем, чтобы бежать от военных событий в родной дом – «кучу», ввиду неготовности мыслить категориями *родина, долг* и т.п. Достоевский старается если не оправдать, то понять его действия: «видите ли, они до того нежный сердцем народ, до того любят свою "кучу" <...> что бросают всё, уродуют себя, отстреливают себе пальцы, чтобы не годиться к службе и поскорей воротиться в свое милое гнездо!» Далее писатель сравнивает сербского новобранца с более близким читателю типом – сохранившим «нежность сердца» школьником, избиваемым сорванцами-товарищами: а ведь из таких детей, которые «тоскуют по семье и родимом гнезде, – вот именно из таких-то и выходят потом всего чаще люди замечательные, со способностями и с дарованиями»²².

Связь «Кроткой» с портретом сербского новобранца подтверждает еще один образ, из первых черновиков «Дневника»: «это великолепный сюжет для романа. Диккенс, Оливер Твист и Копперфильд. <...> Я воображаю, как выбежал мальчик. Деревня. Тетка. Снаряжала. Жутко. Наша военная школа: репцы, репец. Робкий мальчик. К генералу или директору: Что прикажете? Предметы, классы в 50 минут. Бежал. Искали, ходили, нашли где-то – представили. Исключить. <...> Большинство, мерзкие шалят, веселят, мальчик не видит, что они, пожалуй, добрые мальчишки, а в большинстве, может быть, ниже его (середина). – Что у них совсем нет деревни, матерей? – думает он»²³. Задумываемый «робкий» мальчик-беглец, столкнувшийся с военной дисциплиной и жестокостью, занимает место между «Кроткой» и «Приниженным сыном "кучи"» (вместе с его «школьной» параллелью).

Вышесказанное дает право предположить, что в «Кроткой», помимо собственно образа молодой женщины и ее супруга, анализируется проблема робкого и нежного сердцем человека, вступающего в жизнь с теплой памятью о «доме» и столкнувшегося с суровыми реалиями мира, с жестокими людьми. Один из уровней осмысления – славянский: анализируется текущее

²¹ Достоевский, 23:154; 25:59.

²² Достоевский, 25:41–42.

²³ Достоевский, 22:148 (Курсив наш. – И.П.).

положение славян в войне и будущее положение их в Европе. В понимании Достоевского, славяне, как исторические сироты, едва доросшие до самостоятельной политической жизни, рискуют попасть от «родной» тирании турок (ср. с тиранией теток в «Кроткой») в кабалу к мучителю-европейцу – потерявшему честь и жалость торгашу-ростовщику. В основном тексте «Дневника» Достоевский описывает губительность переориентации славян с России на Европу, их возможные пароксизмы после освобождения от турок, и «Кроткая» становится одним из подспудных аргументов к его тезисам. Новаторство метода убеждения в «Дневнике» состоит в том, что дополнительный художественный аргумент отделяется от основного тезиса и на первый взгляд никак с ним не связан: он срабатывает *в общем контексте выпуска или всего произведения*.

Помимо полноценной и как бы «независимой» прозы, в «Дневнике» создается жанр микро-прозы, целиком интегрированной в публицистическое повествование. Темы некоторых таких микро-рассказов («Доморощенные великаны и приниженный сын "кучи"...», «Фома Данилов – замученный русский герой») вынесены в заголовок, однако множество им подобных самостоятельным названием не обладают и могут быть поименованы лишь условно: «Турецкая месть болгарам за русских», «Рассказ о болгарской девочке и ее отце», «Левин на поле боя» и т.д. Эти микро-рассказы, также выступающие в качестве притчевого аргумента, в отличие от «независимой» прозы стоят вплотную к своим логическим тезисам.

Третьим уровнем беллетризации «Дневника» выступает параллельное повествование, которое, пользуясь терминологией Достоевского, можно охарактеризовать как *аллегорическое* или *эмблематическое*. Цель его также состоит в художественном истолковании основного публицистического текста, в который внедряются *эмблемы* подлинных реалий, аллегорические или метафорические имена; при этом задаются условия особого сюжета, развивающегося параллельно, в переключке с основной событийной канвой. Политические события в данном случае тоже перетолковываются на уровне человеческой драмы, однако без маскировки связей с основным повествованием. Отличие такой прозы от «независимой» прозы «Дневника» при всем сходстве функций существенно. Если «Кроткая» – усложнение и расширение коллизии в целях максимально полно представить проблему, то параллельное повествование – примитивизация проблемы, своего рода плакат или лубок, где характеры намеренно упрощены, а связи с действительным событием откровенны.

Постоянными положительными героями параллельного повествования становятся *Мать-Россия*; русский народ, изображаемый как ее *сын-богатырь* или *Илья Муромец*, долго спавший, но затем отправившийся на покаянный подвиг освобождения *братьев-славян*. В качестве отрицательных героев этой «семьи» выступают турки – *черкесы* и *башибузуки*, «*дикая, гнусная мусульманская орда*»; кроме того – постоянно появляющийся на сцене «*ужасный тарантул*» Биконсфильд, а также желающий победы туркам «*непогрешимый*» *papa римский* и выступившие

на их стороне «старые мертвецы» – *российские западники*²⁴. Подобный вид беллетризации, отчасти тяготеющий к законам песенно-былинного жанра, вновь свидетельствует об авторском намерении внедрить в произведение максимальное число *художественных образов*, как и о попытке создания сквозного сюжета.

Писатель неоднократно дает понять, что сосуществующие в произведении макро- и микро-мир живут по одним законам. На уровне микро-мира он, в частности, будет объяснять непростой вариант развития русско-славянских взаимоотношений, предсказав, что после освобождения славяне сделаются врагами и клеветниками России: всё это произойдет «не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян <...> – а именно потому, что *такие вещи* на свете иначе и происходить не могут». Потому основной вывод, хотя и нелогичен политически, объясним в рамках параллельного повествования, где Россия предстает как «мать», а славяне – как «дети»: Достоевский убеждает читателей, что Россия должна несмотря ни на что оставаться со славянами, по-матерински помогая вчерашним сиротам, а при необходимости даже вновь защищая их: «...потом, когда-нибудь, воротятся к ней и *прильнут* к ней все, уже с полной, с детской доверенностью»; «Мать-Россия новых родных деток нашла, и раздался ее великий жалобный голос об них. <...> И хотя бы даже и случилось так, что новые детки, не понимая дела, – на одну минутку, впрочем, – возроптали бы на нее: нечего ей этого слушать и на это глядеть, а продолжать благотворить с бесконечным и терпеливым материнством, как и должна поступать всякая истинная мать»²⁵.

Общий посыл, передаваемый Достоевским посредством художественных компонентов «Дневника», формулируется следующим образом: простой славянский человек унижен, оскорблен и угнетен. Это раб тирана, чье иго он не смог пока сбросить; кроме того, это парий Европы и собственных доморощенных западников. Он молод, долго рос сиротой и еще не способен до конца осмыслить собственное положение в мире и обществе, однако обладает хорошими задатками: добротой, сердечностью, кротостью, готовым раскрыться талантом. Из-за того, что уделом его долгое время было страдание, славянский «маленький человек» может впадать в пароксизмы, естественные в подобных ситуациях. Преодоление их – в доброй заботе о нем его отыскавшей Матери-России. Посредством художественной составляющей «Дневника» подспудно высказывается та же славянская идея, что открыто провозглашается в его публицистической и философской частях: необходимо «всеединение славян» под крылом «самоотверженного бескорыстия России», которое даст им возможность «сказать и свое слово в цивилизации»²⁶.

²⁴ Достоевский, 23:62; 26:149.

²⁵ Достоевский, 23:101–102; 26:78–81.

²⁶ Достоевский, 23:45–47.

В **выводах ко второй главе** подчеркивается, что «Дневник писателя» обладает *основной темой*, которой становится борьба славян за свободу и русская помощь в этой борьбе. В тесной связи с основной темой находится и доказательная база, включающая публицистическую, философскую и художественную аргументацию.

В третьей главе – **«Вопрос влияний»** рассматривается генезис Дневника, анализируются важнейшие воздействия на его идеологию, а также наиболее значимые воздействия, оказанные самим «Дневником».

В разделе **3.1. «Влияния на автора "Дневника"»** указывается на важность выявления генезиса «Дневника» в связи с оригинальностью его основной идеологии и отличием ее от идеологии почвеннического периода.

В подразделе **3.1.1. «Раннее поэтическое влияние»** рассмотрено первое фиксируемое влияние, касающееся проблематики восточного христианства. Им стало воздействие на писателя славянофильской лирики в эпоху Крымской войны. Стихотворения А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева, А. С. Хомякова, а также ряда поэтов, группировавшихся вокруг «Москвитянина», явились побудительным фактором к созданию Достоевским собственных поэтических произведений 1854-55 гг., в которых Восточный вопрос предстает в свете столкновения двух религий, христианства и ислама, указывается на предательскую, протурецкую роль западного христианства, описываются «муки братьев нам единоверных» и приветствуется полет «орла двуглавого» на Царьград. В период их создания писатель уже был знаком с «Клермонтским собором» А. Н. Майкова, с такими тютчевскими «константинопольскими» стихотворениями как «Пророчество» и «Рассвет». Переосмысливаемые позднее в «Дневнике» мотивы стихотворений А. С. Хомякова «Мечта», «Орел», «Прощание с Адрианополем», «Остров», «России» также скорее всего были известны Достоевскому уже в середине 1850-х. В «Москвитянине» в начале декабря 1853 г. появились наиболее ранние поэтические отклики на Крымскую войну, на которые мог опираться Достоевский. Авторами их были в основном поэты раичевского кружка 1820-х гг. – С. П. Шевырев, Д. П. Ознобишин, сам С. Е. Раич, а также некоторые малоизвестные поэты, в чьих стихах фиксируется порой чрезвычайно высокое сходство с поэтическими созданиями Достоевского²⁷. Славянофильская лирика уже на тот момент заключала в себе особую картину мира, согласно которой славянские народы являются единокровными и единоверными братьями русских, находящимися под игом неверных – мусульман; Турецкая империя, как неправомочная и варварская, должна быть разрушена; Константинополь, перешедший под управление России, вновь должен сделаться православной столицей мира.

²⁷ Прийма И. Ф. «Славянская идея» Ф. М. Достоевского и славянофильская лирика 1830–1850 гг. // История и культура. СПб., 2013. Вып. 11. С.63.

В подразделе **3.1.2. «Публицистическое влияние»** предпринимается попытка установить источники наиболее сильных влияний на идеологию «Дневника», с учетом того что в литературе озвучивается чрезвычайно широкая палитра факторов влияния, включающая такие фигуры как Н. В. Гоголь, А. И. Герцен, И. С. Аксаков, Вл. С. Соловьев, Н. Я. Данилевский, В. Г. Белинский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, Н. И. Новиков, Д. Аддисон, И. И. Панаев и др. Однако в подавляющем большинстве трудов воздействия не подтверждались фактами, и потому основные источники влияния не установлены. Далее доказывается тезис, согласно которому наиболее сильное влияние на идеологию "Дневника" вслед за славянофильской поэзией оказала *славянофильская публицистика*, прежде всего труды А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, И. В. Киреевского, И. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского. Все эти авторы, начиная с Тютчева в 1844 г., по-своему формулируют учение о трех «силах» (просветительных началах, цивилизационных типах и т. п.), которое оказало решающее воздействие на создание теории мировых идей, ставшей философским ядром «Дневника».

Первые шаги в разработке теории предпринял еще Ф. И. Тютчев в работах «Россия и Германия» (1844) и «Папство и римский вопрос» (1850), где вскрывались заблуждения Римской церкви, ее стремление устроить Царство Христово как царство мира сего, гомогенность с римо-католицизмом протестантизма и социализма, а также подчеркивалась роль России как *третьей силы*, заявившей о себе в Европе вслед за Францией и Германией. Практически параллельно Тютчеву, в 1852 г. в трактате «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» схожие мысли развивал И. В. Киреевский. Как и Тютчев, он обозначал Римскую церковь главным фактором западного развития. В качестве антитезы двум западным ветвям христианства он выдвигал Россию как особую православную цивилизацию, где христианская идея прокладывала себе путь мирным путем и на основе учений Св. Отцов Православной Церкви. Еще заметнее влияние на «Дневник» А. С. Хомякова, который в 1853 году публикует трактат «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях – по поводу брошюры Г.Лоренси», опираясь в своих воззрениях и на Тютчева и на Киреевского. Хомяков критикует папизм, его смешение в лице епископа-государя духовных интересов с мирскими и указывает на несвободу протестантизма, символом которого считает Германию, Православие Хомяков представляет более свободным и демократичным, не содержащим деления на церковь *учащую* (иерархию) и церковь *учеников* (мирян).

Вслед за Хомяковым преемство в трактовке отношений славянско-православного мира с западно-европейским переходит к И. С. Аксакову, который также выделяет римо-католическое, германо-протестантское и славянско-православное *просветительные начала* и подчеркивает, что дуализм Запада не мешает ему согласованно выступать против России. Аксаков формулирует понятия «православно-славянский мир» и «идея *всеславянства*». Он опережает «Дневник» и в

оценке польского вопроса, протестантской «штунды», западной интеллигенции у славян, попытке Запада «похитить» славян у России, в резко-критическом отношении к Турции, во вскрытии связей католицизма с исламом.

Влияние на тезисы «Дневника» оказывает и такой «новый» представитель славянофильства как Н. Я. Данилевский. Его труд «Россия и Европа» (1869) хорошо известен Достоевскому; теория культурно-исторических типов, предложенная Данилевским, непосредственно воздействует на теорию мировых идей «Дневника», с тем отличием, что у Данилевского сумма исторических факторов, психических и физиологических свойств нации создает определенный цивилизационный тип, тогда как у Достоевского всемирные *идеи* религиозного порядка «осознают себя» в нации, придавая ей оригинальные черты. В свойствах славянского культурно-исторического типа Данилевский выделяет *чисто славянское бескорыстие, славянскую добродетель, терпимость, беспредельную готовность к самопожертвованию, жажду религиозной истины.*

Количество тезисов, воспринятых Достоевским от славянофилов, чрезвычайно велико. Писатель не просто усваивает их: с помощью теории мировых идей, суммировавшей славянофильские взгляды, он развивает учение в направлении от *всеславянского* ко *всечеловеческому*, что было по достоинству оценено И. С. Аксаковым. Кроме того, ряд славянофильских провозглашений писатель оформляет литературно, переводя в разряд художественных образов.

Подраздел **3.1.3. «Проблема ложных влияний»** исследует важнейший пункт в области неподтвержденных воздействий, которым является «влияние» на Достоевского Вл. С. Соловьева. Тезис, отстаиваемый такими исследователями как Ф. Гривец, К. В. Мочульский, Л. П. Гроссман, Н. О. Лосский, К. Накамура, В. Г. Безносков и др., не подкреплён достаточным количеством фактов.

При помощи цитат из ранних трудов Достоевского и восстановления хронологии событий в настоящем исследовании доказывается несостоятельность подобных тезисов и проводится анализ подлинных сходств в трудах двух писателей. Устанавливается, в частности, что в работе «Три силы» (1877 г.) Соловьев демонстрирует славянофильский подход в вопросе мировых идей или цивилизационных типов. Единственное отличие от славянофильской традиции состоит во включении в мировые силы «мусульманского Востока», однако в дальнейшем философ легко меняет в своей триаде «мусульманскую» идею на «иудейскую». Соловьев воспекает славянство, при этом западную цивилизацию делит на римско-католическую и германо-протестантскую, что подтверждает пересказ славянофильского учения (в частности, «Дневника писателя» за 1876 г.). Проявлением «третьей силы» в лице «славянства и народа русского» Соловьев-славянофил,

вслед за Достоевским, считает возможную войну с Турцией²⁸. Однако подлинная цена убеждений философа выясняется через несколько лет, когда он начинает говорить о великой роли и непоколебимости в святыне Римской церкви, а от Русской церкви требует уже не примирения других религиозных идей, а признания правоты иных религий. К этому моменту «славянство» и его роль, столь важные в «Трех силах», исчезают из соловьевского варианта теории мировых идей. Перемена убеждений фиксируется сразу после смерти Достоевского: уже в «Трех речах в память Достоевского» философ пытается приписать ему прокатолические взгляды, начиная тем самым скрытый спор с покойным писателем и открытый спор с И. С. Аксаковым и Н. Я. Данилевским, в рамках которого славянофилы характеризуют позицию Соловьева как *радикальное западничество*.

После перемены убеждений важнейшими для Соловьева (хотя и перетолкованными) остаются такие пункты учения Достоевского как актуальность *славянского вопроса*, *всечеловечность* и *всемирная роль русского народа*, его *богоносность*, *братская любовь*, *смирение*, *значение Пушкина*, *судьба Польши* и ряд других. Зрелый Соловьев по сути не выходит из круга проблем «Дневника писателя», однако меняет полярность оценок. Самостоятельные же тезисы Соловьева, которые позволяли бы говорить об обратном влиянии («святая» роль Рима, равнозначность католицизма, иудаизма и православия; экуменические задачи России, священное служение Польши и т.п.) у Достоевского отсутствуют. Влияние, таким образом, имеет четкий вектор: от Достоевского к Соловьеву.

В разделе **3.2. «О влиянии "Дневника" на зарубежную литературу»** речь идет о наиболее значимом примере восприятия идей произведения за рубежом: у сербов, хорватов и словенцев. Сведения о Дневнике начинают появляться в южнославянской печати с начала 1880 г. Характерно, что с первых упоминаний здесь отмечается славянская тематика издания. Так, в публикации газеты "Slovinac" (1880 г.), где пересказывается Пушкинская речь писателя, Достоевский фигурирует как "славянофил", с объяснением терминов "славянофилы" и "западники" и однозначной симпатией к первым. С 1910-х гг. и особенно в 1930-е гг. Югославия переживает мощный всплеск популярности Достоевского: ему и его героям посвящаются литературные произведения, широко распространяется подражательство, диалог с писателем в стихах и прозе. Из идей Достоевского наиболее популярна славянская идея, которую сербский литературовед М. Бабович характеризует как «славянский мессианизм»²⁹. Множество публицистов, таких как Н. Велимирович, И. Попович, Д. Анджелич, Д. Митринович, Д. Джурович, Б. Малеш, М. Джурич, Б. Рапаич, В. Вуич, подхватывают тезисы «Дневника» об

²⁸ Соловьев В. С. Три силы // Соловьев В. С. Собр. соч.: В 10 т. СПб.: Книгоизд. тов. «Просвещение», 1911. Т.1. С. 228–238.

²⁹ Бабовић М. Достојевски код Срба. Титоград: Графички завод, 1961. С. 260–261.

особой роли православного славянства в судьбах человечества, об антагонизме славянской и европейской цивилизаций, необходимости возврата интеллигенции к народу. Идеологию писателя развивает ряд периодических изданий, среди которых «Народна одбрана», «Хришћанска мисао», «Светосавље», «Претеча», «Узгоитељ», «Нови човек», «Нови видици», «Дело», «Хришћански живот» и др. Знаменателен факт, что южные славяне признали заслуги автора «Дневника писателя» в своей освободительной борьбе и характеризовали его как один из факторов, освободивших Балканы: популярность «Дневника» возросла в период Балканских войн, когда его военные главы пережили отдельные издания, обретая значение манифестов.

Не менее важно и начавшееся в 1910-х гг. научное осмысление идей "Дневника". В 1912 г. появляется труд доктора философии, впоследствии епископа Сербской Православной церкви Николая Велимировича «Ницше и Достоевский». С опорой на его религиозно-философский метод вскоре предпринимает капитальное исследование другой сербский автор, Иустин Попович, публикующий исследование «Философия и религия Ф. М. Достоевского», впоследствии переросшее в монографию «Достоевский о Европе и славянстве».

Концепцию «Дневника» Н. Велимирович воспринимает однозначно положительно и использует при формировании собственного научного метода. Достоевского и Ницше он характеризует как главных выразителей противоположных мировых идей, Славянской и Западной. Ядро «Дневника» исследователь справедливо видит в теории мировых идей, причем повышенное внимание уделяет славянско-православной идее и типу славянского «всечеловека», формирующегося в ее рамках. Осмысление идеи продолжено Велимировичем в таких публицистических трудах, как «Мир вам, Славяне» (1914 г.), «Сон о славянской религии» (1914 г.), «Слова о всечеловеке», (1920 г.), где автор призывает славянские народы вслед за русским держаться своей веры и работать на благо славянства и человечества, говоря о православной мессианской задаче славян.

Труд Иустина Поповича «Философия и религия Достоевского» (1922) содержит расширенную трактовку типов славянского и европейского человека, предложенную Н. Велимировичем. Попович пишет о «гордом человекобоге Европы», распространяя термин, с одной стороны, на среднего европейца, с другой – на проблему папизма. За славянином же стоит образ «православного Богочеловека Христа, Христа неискаженного»³⁰. В монографии «Достоевский о Европе и славянстве» (1940) исследователь продолжает изучение свойств ведущих мировых идей, обозначенных писателем: «Славянская идея является одним из главных его пророчеств и главных благовествований. <...> Только будучи освящено и просвещено

³⁰ Поповић Ј. Сп. Философија и религија Ф. М. Достоевскога. Сремски Карловци, 1923. С. 155–172.

Христом, славянство получает свое непреходящее значение в истории мира и через всеславянство ведет ко всечеловечеству»³¹.

В отличие от сербских, хорватские критики подвергают иронии историко-философскую составляющую «Дневника», мнения Достоевского о католицизме и видят эгоизм в действиях России на Балканах. В Словении реакцией на труды сербских и хорватских исследователей явилась обширная работа Франца Гривца «Федор Достоевский и Владимир Соловьев» (1931 г.), автор которой солидаризируется с хорватскими критиками и оспаривает взгляды И. Поповича. Подобно хорватам, признавая за Достоевским роль крупнейшего русского писателя, словенский критик одновременно упрекает его в крайностях, ошибочности прогнозов относительно католицизма и русского народа-богоносца, – вместо которого на сцену выступил русский безбожный пролетариат. Спасением от однобокости религиозных взглядов Достоевского, утверждает Гривец, явилась его дружба с Соловьевым: именно скрытый католик Соловьев, якобы, внес свет в чрезвычайно мрачное христианство Достоевского.

Ответом католическому крылу критики явилась не только полемика с Ф. Гривцем сербских теологов, но и новые труды И. Поповича и Н. Велимировича с дальнейшей разработкой славянской концепции Достоевского. Факт установления в России богоборческой власти, по их убеждению, не умаляет веры во всемирную задачу русского народа и славянства: «Православие, носитель и хранитель пресветлого Лица Христова и всех богочеловеческих сил, – и есть то "новое слово", которое Россия во главе православного славянства должна сказать миру»³².

В выводах к третьей главе отмечается, что генезис «Дневника писателя», как и область его собственных влияний, необъяснимы без учета славянофильской традиции. Достоевский в 1870-е гг. окончательно присоединяется к ней и, благодаря своему литературному гению, не только популяризирует, но и развивает ее, влияя, в свою очередь на позднейших приверженцев православно-славянской идеи в России и за рубежом.

В заключении подводятся итоги исследования в соответствии с основными положениями, выносимыми на защиту. «Дневник» представляет собой скрижаль идеологии писателя, вершину развития философских взглядов Достоевского и одну из вершин его писательского мастерства. Оценивая реалистичность и влиятельность славянской концепции Достоевского, нельзя не учитывать исторического подтверждения его прогнозов по поводу получения независимости балканскими и всеми европейскими славянами, дальнейшей жертвенной и бескорыстной роли России в деле их защиты (Первая и Вторая мировые войны). По глубокому убеждению Достоевского, человечество не сможет правильно развиваться без славянско-православной идеи. Антагонизм восточно-православного (прежде всего славянского)

³¹ Поповић Ј. Сп. Достојевиќи о Европи и Словенству. Београд: Просвета (издаје Манастир Телије), 1981. С. 328.

³² Там же. С. 307–314.

и западного мира до сих пор остается одной из основных глобальных коллизий, поэтому идеи и сюжеты «Дневника писателя» по-прежнему злободневны.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Прийма И. Ф. Достоевский и Соловьев: проблема влияния/ Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. №3. С. 94–106.
2. Прийма И. Ф. Бахтин и Луначарский о публицистике Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №7 (61) 2016. Часть 2. С.29–32.
3. Прийма И. Ф. Макропроблемы в малой прозе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 8 (62). Часть 2. С.25–29.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Прийма И. Ф. Достоевский о югославянском вопросе / Запад или человечество? История балканского конфликта. СПб.: Изд-во С.-Петербург. философ. общ-ва; «Алетейя», 2000. С. 59–94.
5. Прийма И. Ф. Европа и южные славяне в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского //Цивилизационный процесс и взаимодействие национальных культур в Европе: место и роль славянства. Материалы Международной научной конференции. СПб.: Изд.отд. С-Петербург. Торгово-промышл. палаты., 2006. С.68–75.
6. Прийма И. Ф. «Славянская идея» Ф. М. Достоевского и славянофильская лирика 1830–1850 гг. // История и культура. СПб., 2013. Вып. 11. С. 31–80.
7. Прийма И. Ф. Ф. М. Достоевски и мисао словенофила // Октоих. Часопис Одјельења за српски језик и књижевност Матице Српске – друштва чланова у Црној Гори. Никшић. 2013. № 4. С.33–65.
8. Прийма И. Ф. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в южнославянской среде: этапы восприятия // История и культура. СПб., 2015. Вып. 13. С. 92–137.